

УДК 1.14**Темпоральность, пространство и идентичность:
диалектика хронотопа в автобиографических нарративах****Бабич Владимир Владимирович**

Кандидат философских наук,
магистр кафедры истории философии и логики,
Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: v.v.babich@gmail.com

Аннотация

Исследуется взаимосвязь нарративной идентичности и хронотопа. Анализируются механизмы конструирования «Я» через призму нарративной идентичности и ее связи с пространственно-временными структурами. Опираясь на концепции нарративной идентичности Поля Рикёра и хронотопа Михаила Бахтина, демонстрируется, как культурные, исторические и социальные контексты формируют «нарративные прототипы» — шаблоны, через которые человек интерпретирует собственный опыт и выстраивает автобиографию. Демонстрируется как радикальные изменения хронотопа (травма, цифровизация, глобализация) порождают «хронотопические разрывы», угрожающие целостности идентичности. Утверждается, что хронотоп не просто сопутствует нарративной идентичности, но выступает её онтологическим основанием, определяя, как, где и когда человек осмысляет себя в мире. Хронотоп — активный участник смыслообразования, определяющий значимые события, ценности и эмоциональную тональность формирующих самоописания.

Для цитирования в научных исследованиях

Бабич В.В. Темпоральность, пространство и идентичность: диалектика хронотопа в автобиографических нарративах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 3А. С. 29-39.

Ключевые слова

Нарративная идентичность, хронотоп, хронотопический разрыв, нарративные прототипы, цифровые симулякры, П. Рикёр, М. Бахтин.

Введение

Вопрос личной идентичности является одной из ключевых проблем философской антропологии, психологии и социальных наук. Новым методом обоснования решения данной проблемы выступает концепция нарративной идентичности, которая рассматривает личную идентичность как нечто возникающее при построении автобиографических нарративов. Создание автобиографического нарратива предполагает, что человек конструирует свою личность через повествования, которые организуют его опыт, события, ценности, желания и планы в связную историю. Этот процесс тесно связан с пространственно-временными структурами, которые определяют контекст формирования идентичности. Настоящее исследование посвящено анализу взаимосвязи между нарративной идентичностью и хронотопом — концептом, введённым М.М. Бахтиным для описания неразрывного единства пространственно-временных параметров в художественном тексте. В статье раскрывается роль хронотопических структур в формировании «Я», что позволяет расширить понимание механизмов нарративного конструирования личности.

Методологические основания

Концепция нарративной идентичности была разработана П. Рикёром в рамках его философии субъективности с опорой на герменевтическую традицию континентальной философии. Философ полагал, что идентичность формируется через конструируемые нарративы [Рикёр, 2008]. По его мнению, рассказываемые истории о «Я» не фальсифицируют подлинную природу жизненного опыта субъекта, а выступают его интерпретацией, объединённой в «нарративное единство». Это «единство» позволяет осмыслить собственную жизнь как нечто казуально и аксиологически фундированное, а также сохраняющее внутреннюю непрерывность.

Нарративная идентичность предполагает, что личность не является статичной, а находится в процессе динамичного становления. Она не сводится к набору неизменных характеристик, присущих некой субстанции «Я», но представляет собой процесс постоянного изменения, переосмысления и пересказа. В этой парадигме нарратив функционирует как механизм, позволяющий индивиду интегрировать прошлое, настоящее и будущее в целостную структуру, тем самым выстраивая собственную личную идентичность. Однако такой процесс невозможно осмыслить вне пространственно-временных координат, в которых происходит формирование нарратива.

Концепция хронотопа, введённая М. М. Бахтиным, первоначально использовалась для анализа художественных текстов. Бахтин определял хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1986, с. 121]. Однако, это понятие выходит за рамки литературоведения и может быть применено к анализу человеческого опыта в целом. Хронотоп представляет собой единство времени и пространства, которые неразрывно связаны и взаимно определяют друг друга.

В контексте нарративной идентичности хронотоп играет ключевую роль, задавая рамки для интерпретации жизненного опыта. Хронотоп — это не просто фон, на котором разворачиваются события, но активный элемент, влияющий на повествование, формирующий его структуру и смысл. Пространственно-временные структуры влияют на то, какие события считаются значимыми, как они интерпретируются и как включаются в нарратив. В этом смысле хронотоп становится ключевым элементом в конструировании нарративной идентичности, так как он задаёт рамки, в которых разворачивается история человека.

Взаимосвязь нарративной идентичности и хронотопа

Нарративная идентичность и хронотоп тесно связаны, так как оба концепта предполагают осмысление времени и пространства в контексте повествования. Если нарративная идентичность описывает, как человек конструирует и сохраняет свою самость через рассказ, то хронотоп задаёт условия, в которых этот рассказ возможен. Хронотоп определяет, как время и пространство взаимодействуют в нарративе, создавая уникальную структуру, которая влияет на восприятие идентичности.

В автобиографическом нарративе хронотоп может быть представлен как «жизненный путь», где прошлое, настоящее и будущее связываются в единую линию. Именно подобный хронотоп позволяет человеку осмыслить свою жизнь как целостную историю, в которой каждое событие имеет своё место и значение. В философии, психологии и социально-гуманитарных науках хронотоп трансформируется в концепцию, выражающую структурный каркас, задающий смысловые координаты для интерпретации жизненных событий [Спиридонов, 2010]. Как отмечает Поль Рикёр, идентичность формируется через «опосредование повествованием», где время и пространство выступают не просто фоном, а активными агентами смыслообразования [Рикёр, 2000]. Таким образом, хронотоп, являясь необходимым структурным элементом нарратива, одновременно выступает условием конструирования идентичности.

Пространственно-временные структуры и интерпретация опыта

Взаимосвязь нарративной идентичности и хронотопа определяется тем, что нарратив — всегда история, рассказанная где-то и когда-то. Даже внутренний монолог требует воображаемого пространства-времени [Мерло-Понти, 1999]. Таким образом, хронотоп это то, что определяет контекст, в котором формируется любое высказывание.

Пространственно-временные структуры задают рамки для интерпретации событий и их включения в историю жизни. М.М. Бахтин подчёркивает, что хронотопы обладают жанровой спецификой: например, пространство дороги ассоциируется с переломными моментами, встречами, переосмыслением пути [Бахтин, 1986, с. 276]. Это созвучно концепции «поворотных точек» (turning points) в нарративной психологии, где смена пространственно-временного контекста (переезд, кризис) запускает пересмотр идентичности [McAdams, 2010]. Хронотоп определяет, какие события включаются в историю жизни и как они интерпретируются. Одним из примеров выступает «хронотоп детства», он часто связан с локальными пространствами (дом, школа, двор) и ранними этапами жизни (раннее детство, дошкольный период, школа), которые в личном нарративе символизируют безопасность и свободу или, напротив, угрозу и ограничения [Johnston, 2008]. Подобные символы и образы, как это показали Джером Брунер и Дэн П. Макадамс, формируют «нарративные прототипы», влияющие на восприятие прошлого и проекцию будущего [Bruner, 1991; Макадамс, 2008]. «Нарративные прототипы» — это базовые шаблоны или структуры повествований, которые люди используют для осмысления своего опыта, конструирования идентичности и коммуникации. Они действуют как когнитивные и культурные «каркасы», в рамках которых происходит организация событий в связные истории и последующая их интерпретация.

Хронотоп и «нарративные прототипы», как его производные, выполняют ряд функций:

а) *Когнитивная*: упрощает восприятие новых событий, интегрируя их в знакомые сюжетные схемы. Это позволяет субъекту прогнозировать развитие ситуации, экстраполируя логику «сценария» на возникающие события и выбирать оптимальные стратегии действия, используя усвоенные нарративы. Однако использование «нарративных прототипов» не сводится к

рациональному выбору, бессознательное воспроизведение шаблонов может как способствовать выбору эффективной стратегии действия, так и исказить восприятие реальности, подменяя анализ контекста автоматическими реакциями. В таких случаях прототипы становятся деструктивными: например, провоцируют ригидное мышление (игнорирование изменяющихся условий) или выбор неэффективных стратегий (попытки «вписать» ситуацию в неприменимый сценарий) [Rindova, 2022]. Подобный механизм действует как на личностном, так и на коллективном уровне [Сафронова, 2021].

В качестве иллюстративных примеров «нарративных прототипов» рассмотрим такие, как «жертва обстоятельств» и «американская мечта». Прототип «жертва обстоятельств» несет в себе программируемый сюжет «жизнь — это череда несправедливых событий, где человек бессилен» и оказывает влияние, снижая личную ответственность («это не моя вина, что я могу поделаться»), усиливая пассивность. Следствием является формирование личных установок «мне всегда не везет» или «я не на что не влияю», отказ от действий. Прототип «американская мечта» формирует сюжет, описывая жизнь как «успех через труд и материальный достаток, как критерий счастья», мотивируя на достижения, при этом порождая чувство вины при их отсутствии.

Таким образом, нарративные прототипы, реализуя когнитивную функцию, обладают двойным эффектом:

- служат адаптивным инструментом, встраивая хаотичное событие в структурированную историю, упрощают анализ происходящего, снижая когнитивную нагрузку и способствуют формированию стратегии действия субъекта или общества;
- бессознательно воспроизводясь, ограничивают гибкость мышления, искажают анализ контекста, подкрепляя ригидность мышления.

б) *Конструирование идентичности*: мы формируем представления о себе через создание автобиографического нарратива, в котором используем «нарративные прототипы» — шаблоны, заимствованные из «внешних» культурных нарративов [De Fina, 2022]. Каждый из «прототипов» определяет вектор ценностных ориентаций (что считать важным) и модальность интерпретации собственного опыта (как оценивать себя), оказывающих влияние на биографию и самовосприятие. В рамках парадигмы нарративной идентичности ответ на вопрос «кто я?», а также оценка и осмысление жизненных ситуаций формируются через процесс рефлексивного присвоения смыслов. Источником этих смыслов выступают «повествовательные ресурсы» культуры — устойчивые нарративные паттерны, которые «Я» актуализирует для конструирования цельности личности и интерпретации собственного опыта.

Другими словами, «Я» конструируется через автобиографический нарратив, где личная идентичность становится результатом выбора и адаптации «нарративных прототипов», представленных в культуре. Подобные прототипы, несут в себе определенные ценности и интерпретацию опыта, превращая разрозненные события в связную историю «о себе», а рефлексивное присвоение культурных смыслов позволяет личности обрести ответ на вопрос «кто я?».

в) *Аксиологическая*: «Нарративные прототипы» транслируют ценности и нормы культуры, в которой они создаются. Например, акцент на индивидуализме в прототипе «американской мечты» порождает истории о самореализации, и напротив, в восточных культурах, где акцент смещен на гармонию с коллективом, формируется история о личной жертве ради общей гармонии.

Конфуцианская традиция, выраженная в японской культуре, утверждает концепцию «Ва-и-гармония», конструируя нарратив, где индивид подавляет личные амбиции и эмоции ради

сохранения единства группы [Хуэйминь, 2022]. Примером, в современном контексте, может служить корпоративная культура Японии, «нарративный прототип» которой формирует идентичность через «быть частью целого». Личное «Я» здесь определяется через роль в группе: «Я — тот, кто сохраняет гармонию». Это создает парадокс: идентичность одновременно подавляется (отказ от индивидуализма) и укрепляется через коллективистские ценности (обретение смысла в служении коллективу) [Кругликова, 2015].

Хронотоп не только транслирует ценности, но осуществляет их отбор и актуализацию, выступая в роли смыслового «фильтра», который определяет, какие ценности и смыслы являются значимыми в конкретном культурно-историческом контексте. Например, нарратив в контексте «семейной саги» (пространство дома и смены поколений) акцентирует ценности преемственности, долга и коллективной памяти, а история «self-made человека» (пространство мегаполиса, время карьерных достижений) выдвигает на первый план индивидуализм, прогресс и успех [Блажковский, 2024; Григоровская, 2021].

Таким образом, хронотоп не просто оформляет историю «Я», но и нормативно задает ценностную систему координат, превращая абстрактные культурные установки в личные ценности, с помощью которых мы конструируем собственное самописание.

г) *Эмотивная*: пространственно-временные структуры несут в себе смыслы и ассоциации, определяющие «эмоциональную тональность» нарратива, – систему доминирующих эмоций, воплощённых в «нарративном прототипе» [Koven, 2023]. В ранее приведённом примере прототипа «американская мечта», линейный хронотоп (движение от бедности к материальному успеху) имплицитно содержит в себе следующие доминирующие эмоции: надежду (вера в социальный лифт), вдохновение (движение к цели), тревогу (страх не успеть), неуверенность (столкновение индивидуальной воли и желаний с структурным социальным неравенством). Подобная эмотивная диалектика раскрывает ключевое противоречие «нарративного прототипа»: декларируемая универсальность «мечты» конфликтует с её зависимостью от контекстуальных (временных, социальных, культурных) ограничений.

Хронотоп задает рамки, в которых эмоции обретают свою ценностную интерпретацию: конкретный исторический, культурный и социальный контекст определяет не только способы артикуляции ценностей, но и саму возможность их переживания как значимых. Как утверждал Ч. Тейлор, «артикуляция ценностей направлена на преодоление разрыва между эмоциями (моральными чувствами) и осознаваемыми ценностями. Когда мы артикулируем ценности, мы придаем им такую форму, которая позволяет включить их в дискуссию, что может привести к утверждению, отрицанию или преобразованию наших ценностных ориентаций и моральных чувств» [Carnevale, 2013, с. 87]. Однако этот процесс невозможен вне хронотопической структуры — диалог с собой и другими всегда происходит в определенном «месте» и «времени», где прошлый опыт, актуальные практики и будущие ожидания сплетаются в единый нарратив. Именно хронотоп, как элемент нарративной идентичности, опосредует переход от неясного эмоционального импульса к ценностно нагруженному высказыванию.

Таким образом, хронотоп выступает не просто фоном, а активным участником процесса: он определяет, какие эмоции могут быть легитимированы в качестве ценностей, устанавливает языковые средства для их выражения и создает «спектр возможного» для трансформации моральных чувств в ценности. Без учета пространственно-временной структуры анализ связи между эмоциями и ценностями рискует стать абстрактным, упуская из виду, что аутентичный личный нарратив всегда рождается в диалоге с «многоголосием» эпохи и культурными кодами места.

Хрототоп и темпоральная структура нарративной идентичности

Время в нарративе не всегда является линейным: прошлое, настоящее и будущее переплетаются, создавая сложную сеть взаимосвязей. Хронотоп обуславливает конкретную особенность этого переплетения в каждом из автобиографических нарративов, определяя, какие события считаются ключевыми, а какие остаются на периферии [Perrino, 2020]. В качестве примера, иллюстрирующего связь хронотопа и самоинтерпретации в контексте темпоральной структуры, можно рассмотреть автобиографическое исследование польского поэта Ч. Милоша. В поиске самоопределения поэт осуществляет рефлексивный анализ воспоминаний, устанавливая взаимосвязь между ключевыми событиями своей биографии и культурно-историческим ландшафтом эпохи. Милош писал: «Осознание своего происхождения, подобно якорю, погруженному в глубину, удерживающему человека в определенном диапазоне. Без него историческая интуиция практически невозможна» [Milosz, 2014, с. 20]. Посредством фиксации и интерпретации внутренних переживаний автор выстраивает диалектику между индивидуальным существованием и коллективными нарративами, демонстрируя, как формирование идентичности обусловлено конкретными историческими событиями (социально-политическими трансформациями в Польше).

Помимо соединения индивидуального повествования с коллективными нарративами, хронотоп задаёт модальность времени. Например, время может восприниматься как необратимое («путь без возврата», «никто не был дважды в одной реке»), циклическое («вечное возвращение»), фрагментированное («калейдоскоп эпизодов») или укоренённое в настоящем («у бытия нет ни прошлого, ни будущего. Бытие есть чистое настоящее»). Это напрямую влияет на нарративную идентичность: в первом случае акцент смещается на ответственность за необратимое решение, во втором — на повторяемость судьбы, в третьем — на поиск связей между разрозненными моментами, в четвертом — на существование «здесь и сейчас».

Примером влияния хронотопа на темпоральную структуру нарративной идентичности является «нарративный прототип» «испытание». Он может быть представлен на примере человека, пережившего тяжелую травму или болезнь. Пространство здесь сжимается до больничной палаты, а время делится на «до» и «после» диагноза или травмы. В темпоральной структуре прошлое изолируется, настоящее становится полем борьбы (процедуры, операции), будущее переживается как туманная перспектива, либо отрицается. Однако, в процессе интроспекции и рефлексии хронотоп может быть изменен и трансформирован вместе с нарративной идентичностью. Например, испытание переосмысливается как «инициация», что меняет темпоральность. Будущее теперь видится как «вторая жизнь», прошлое — как этап подготовки к испытанию, а само событие болезни обретает черты судьбоносного события. Это меняет идентичность: вместо роли жертвы человек принимает роль «выжившего» или «наставника» для других.

Таким образом, хронотоп выступает не просто хронологической метрикой сюжета, но и инструментом для трансформации «Я», позволяя конструировать и изменять модус переживания временной реальности. Это открывает возможность для динамического моделирования перспективы собственного будущего, как результата рефигурации модальности переживания опыта временного существования.

Хронотопический разрыв и утрата идентичности

Утрата идентичности часто коррелирует с радикальным изменением или разрушением привычных пространственно-временных координат. Когда исчезает устойчивая связь между временем, пространством и культурой, «Я» теряет субстрат для конструирования нарративной идентичности, превращаясь в «фазорванный архив высказываний», калейдоскоп не связанных

между собой эпизодов. Это влечет за собой изменение механизма и структуры идентичности в условиях быстрых перемен, поскольку нарушаются условия устойчивой идентификации: наличие минимального времени для освоения модели идентификации и относительная устойчивость самой модели. В.А. Еселин выделяет три варианта разрыва, ведущих к прекращению передачи опыта и сохранению единой непрерывной ткани культуры и цивилизации, в рамках которых конструируется идентичность «Я»:

– «вертикальный разрыв», рассогласование между поколениями не только в ценностях, но и в самом восприятии времени, пространства и смыслов, где традиционные механизмы трансляции смыслов (устный, письменный нарратив, ритуал, «медленные медиа») замещаются цифровыми симулякрами (AI-генерируемые тексты, TikTok-клипы, социальные сети, мессенджеры, и пр.);

– «горизонтальный разрыв», асинхронность развития регионов, создающая конфликт между «ускоренными» и «консервативными» хронотопами в глобальном масштабе;

– «структурный разрыв», когда скорость отставания имеет тенденцию к непрерывному накоплению, делающему возникшие разрывы необратимыми. Накопление некомпенсируемых расхождений между технологическими изменениями и адаптационными возможностями культуры [Емелин, 2015; Ефременко, 2022].

«Разрывы» рожают ситуацию, когда смысловые и ценностные ориентиры более не транслируются, создавая континуум культуры, а конструируются ситуативно, дискретно через тренды. Вопрос в том, станет ли этот разрыв пропастью – или новым языком, в котором найдут отражение символы и смыслы прошлого, и коды будущего? На уровне личности, разрушение или радикальное изменение хронотопа ведет к необходимости «пересобрать» самость через новые нарративы, что согласуется с идеей Рикёра о нарративной реконфигурации.

Художественной иллюстрацией «хронотопического разрыва» является роман Франца Кафки «Процесс», где Йозеф К. сталкивается с кризисом идентичности именно через деформацию хронотопа: суд существует вне конкретного места, время судебных заседаний абсурдно, а пространство города множится как лабиринт. Это порождает экзистенциальную неопределенность – герой более не может ответить на вопрос «Кто я?», ибо его «Я» распадается вместе с исчезновением логики времени-пространства [Кулешова, 2024]. М. Пруст «В поисках утраченного времени» описывает обратный процесс: восстановление идентичности через преодоление «хронотопического разрыва». Вкус мадленки становится мостом между «я нынешним» и «я прошлым», соединяя разорванные пласты времени [Рикёр, 2004, с. 607].

«Хронотопический разрыв» может произойти и в результате травмы. Случай с Клайвом произошел в 1985 году, когда он, будучи уже признанным музыкантом, перенес заболевание мозга, последствием которого была потеря способности формировать долгосрочные воспоминания и ретроградная амнезия. По свидетельствам его жены, «его способность воспринимать то, что он видел и слышал, не пострадала. Но он, похоже, не мог удерживать никаких впечатлений дольше одного мгновения. Действительно, если он и моргал, его веки открывались, открывая новую сцену. То, что он видел и воспринимал до моргания, было совершенно забыто» [Sacks, 2007]. Клайв начал вести дневник, но записи состояли только из утверждений «я бодрствую» или «я в сознании», которые вносились снова и снова через каждые несколько минут. Он писал: «14:10 – на этот раз проснулся как следует. 14:14 – на этот раз наконец-то проснулся. 14:35 – на этот раз полностью проснулся»; а также отрицание этих утверждений: «В 21:40 я впервые проснулся, несмотря на мои предыдущие заявления». Это, в свою очередь, было зачеркнуто, а за ним последовало: «Я был в полном сознании в 22:35 и проснулся впервые за много-много недель» [Там же]. Это, в свою очередь, было отменено

следующей записью. Дневник, достигший сотни страниц, отражал попытку подтвердить непрерывность собственного существования, но всегда парадоксальным образом противоречил ей.

Данный пример фокусирует наше внимание на том, каким образом деформация хронотопа приводит к потере специфической человеческой способности - быть автором собственного повествования. Следствием этого является утрата личностью возможности минимального уровня самовыражения, воплощающего логическую, телеологическую и культурно-социальную связности. Таким образом, происходит разрушение нарративной идентичности.

Заключение

Нарративная идентичность и хронотоп являются ключевыми концептами для понимания того, как человек осмысляет свое существование в мире, сохраняя свою самотождественность. Нарративная идентичность формируется через рассказы, которые организуют жизненный опыт в связную историю; хронотоп задаёт пространственно-временные рамки для этого процесса. Личность, в парадигме нарративной идентичности, не является статичной субстанцией, а динамическим процессом, где «Я» обретает себя через автобиографические нарративы. Однако, существование этих нарративов невозможно вне хронотопических структур, которые выступают не пассивным фоном, а активными условиями смыслообразования. Хронотоп задаёт рамки интерпретации опыта, отбирая значимые события, транслируя ценности и определяя эмоциональную тональность самоописания.

Выделим основные элементы связи хронотопа и нарративной идентичности:

1. Хронотоп выступает «каркасом» идентичности. Пространственно-временные структуры формируют «нарративные прототипы», которые упорядочивают опыт, но также несут риски ригидности мышления. Они выступают мостом между индивидуальным и коллективным, вплетая культурные коды в ткань личной истории.

2. Хронотоп определяет динамику идентичности. Конструирование «Я» — это выражение непрерывной связи с хронотопом. Даже радикальные «хронотопические разрывы» (травма, цифровизация, глобализация, социальные потрясения и пр.) не уничтожают «Я», но требуют его реконфигурации через новые нарративы.

3. «Хронотопические разрывы» являются вызовом для «Я». Хронотопические разрывы, ставят под угрозу традиционные механизмы трансляции смыслообразующих нарративов. Вместе с тем это открывают возможность для рождения гибридных форм идентичности, где симулякры соцсетей и AI-текстов становятся новым языком самоописания.

В конечном итоге, хронотоп остаётся не просто красивой метафорой, но инструментом выживания «Я» в мире, где время ускоряется, а пространство дробится. Хронотоп не просто сопровождает нарративную идентичность, но выступает её онтологическим основанием, определяя, как, где и когда человек осмысляет себя в мире. Если история жизни всегда есть история, рассказанная другому, то стоящая перед нами задача – продолжать рассказывать её так, чтобы даже в условиях «разрывов» сохранялась нить, связывающая вчера, сегодня и завтра.

Библиография

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэзии. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С.121–291.
2. Блажковский Р.В., Шаповалова И. В. Диахроническая эволюция семейной саги: когнитивно-нарративный анализ и типологическая систематизация // Вестник науки. 2024. Т. 5. №. 9 (78). С. 297–302.

3. Григоровская, А.В. Размышления об "американской мечте" в творчестве Айн Рэнд (на примере рассказа "Ее вторая карьера") // Новый филологический вестник. 2021. № 4(59). С. 363–371.
4. Емелин, В.А. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 14–24.
5. Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. №. 2. С. 58–71.
6. Кругликова М.Е., Гурьева И.Ю., Шатохина А.О. Мотивационная стратегия управления персоналом в корпоративной культуре Японии // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. №. 11-2. С. 134–136.
7. Кулешова О. В. Конференция «Франц Кафка: век спустя». Обзорная статья // Вестник культурологии. 2024. №. 4 (111). С. 233–242.
8. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. №. 3. С. 135–166.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: Наука, 1999. 608 с.
10. Рикёр П. Я - сам как другой М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
11. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
12. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. 313 с.
13. Сафронова Ю.А. В плену нарративных шаблонов? // Историческая экспертиза. 2021. №. 3. С. 76–80.
14. Спиридонов Д.В. Проблема нарративной идентичности и историческая типология сюжета // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. №. 1-2. С. 154.
15. Хуэйминь Ц. Культура гармонии" хэ (和) хэ (合)". История и значение в современном мире // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №. 11 (103). С. 50–53
16. Bruner J. The narrative construction of reality // Critical inquiry. 1991. Т. 18. №. 1. P. 1–21.
17. Carnevale F. A. Charles Taylor, hermeneutics and social imaginaries: a framework for ethics research // Nursing Philosophy. 2013. Vol. 14 (2). P. 86–95.
18. De Fina A. The chronotope // Handbook of pragmatics. – John Benjamins Publishing Company. 2022. P. 49–65.
19. Johnston R. R. Childhood: A narrative chronotope // Children's literature as communication: The CHILPA Project. 2008. P. 137–157.
20. Koven M. Affect in cross-chronotope alignments in narrations about Aristides de Sousa Mendes and their subsequent circulations // Journal of Linguistic Anthropology. 2023. Т. 33. №. 3. P. 350–372.
21. McAdams D. P., Olson B. D. Personality development: Continuity and change over the life course // Annual review of psychology. 2010. Т. 61. №. 1. P. 517–542.
22. Milosz C. Native Realm. A Search for Self-Definition. London, 2014. 320 p.
23. Perrino S. Chronotope // The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. 2020. P. 1–6.
24. Rindova V. P., Martins L. L. Futurescapes: Imagination and temporal reorganization in the design of strategic narratives // Strategic Organization. 2022. Т. 20. №. 1. P. 200–224.
25. Sacks O. The Abyss: Music and Amnesia // The New Yorker. 2007. September 24. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (дата обращения: 04.02.2025)

Temporality, Space, and Identity: The Dialectics of Chronotope in Autobiographical Narratives

Vladimir V. Babich

PhD in Philosophy,
Master of the Department of History of Philosophy and Logic,
Tomsk State University
634050, 36, Lenin ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: v.v.babich@gmail.com

Abstract

The article examines the relationship between narrative identity and chronotope. It analyzes the mechanisms of constructing the "I" through the prism of narrative identity and its connections with

spatio-temporal structures. Based on the concepts of narrative identity by Paul Ricoeur and chronotope by Mikhail Bakhtin, it demonstrates how cultural, historical, and social contexts form “narrative prototypes” — templates through which a person interprets his own experience and builds an autobiography. It is demonstrated how radical changes in the chronotope (trauma, digitalization, globalization) generate “chronotopic gaps” that threaten the integrity of identity. It is argued that the chronotope not only accompanies narrative identity, but acts as its ontological foundation, determining how, where, and when a person understands himself in the world. The chronotope is an active participant in meaning-making, determining significant events, values, and the emotional tone of self-descriptions.

For citation

Babich, V.V. (2025) Temporalnost, prostranstvo i identichnost: dialektika khronotopa v avtobiograficheskikh narrativakh [Temporality, Space and Identity: The Dialectics of Chronotope in Autobiographical Narratives]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (3A), pp. 29-39.

Keywords

Narrative identity, chronotope, chronotopic gap, narrative prototypes, digital simulacra, P. Ricoeur, M. Bakhtin.

References

1. Bakhtin, M.M. (1986). *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poezii. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetry. Literary-Critical Articles]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, pp. 121–291.
2. Blazhkovskii, R.V., Shapovalova, I.V. (2024). Diakhronicheskaya evolyutsiya semeinoy sagi: kognitivno-narrativnyi analiz i tipologicheskaya sistematizatsiya [Diachronic Evolution of the Family Saga: Cognitive-Narrative Analysis and Typological Systematization]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 5(9), pp. 297–302.
3. Efremenko, D.V. (2022). Uilyam Ogborn i ideya kul'turnogo laga. K stoletiyu gipotezy [William Ogburn and the Idea of Cultural Lag. To the Centennial of the Hypothesis]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 27(2), pp. 58–71.
4. Emelin, V.A. (2015). Deformatsiya khronotopa v usloviyakh sotsiokul'turnogo uskoreniya [Deformation of Chronotope under Conditions of Socio-Cultural Acceleration]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2, pp. 14–24.
5. Grigorovskaya, A.V. (2021). Razmyshleniya ob "amerikanskoy mechtaye" v tvorchestve Ayn Rend (na primere rasskaza "Ee vtoraya kar'era") [Reflections on the "American Dream" in the Works of Ayn Rand (on the Example of the Story "Her Second Career")]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 4(59), pp. 363–371.
6. Khueymin', Ts. (2022). Kul'tura garmonii" khe (和) khe (合)". Istoriya i znachenie v sovremennom mire ["Culture of Harmony" he (和) he (合)". History and Meaning in the Contemporary World]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 11(103), pp. 50–53.
7. Kruglikova, M.E., Gur'eva, I.Yu., Shatokhina, A.O. (2015). Motivatsionnaya strategiya upravleniya personalom v korporativnoy kulture Yaponii [Motivational Strategy of Personnel Management in Japanese Corporate Culture]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire* [Fundamental and Applied Research in the Modern World], 11-2, pp. 134–136.
8. Kuleshova, O.V. (2024). Konferentsiya "Frants Kafka: vek spustya". Obzornaya stat'ya [Conference "Franz Kafka: A Century Later". Review Article]. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies], 4(111), pp. 233–242.
9. Makadams, D.P. (2008). Psikhologiya zhiznennykh istorii [Psychology of Life Stories]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 3(3), pp. 135–166.
10. Merlo-Ponti, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Moskva: Nauka, 608 p.
11. Riker, P. (2000). *Vremya i rasskaz. T. 1* [Time and Narrative. Vol. 1]. Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 313 p.
12. Riker, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 728 p.

13. Riker, P. (2008). *Ya - sam kak drugoi* [Oneself as Another]. Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 416 p.
14. Safronova, Yu.A. (2021). *V plenu narrativnykh shablonov?* [Captured by Narrative Templates?]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise], 3, pp. 76–80.
15. Spiridonov, D.V. (2010). *Problema narrativnoy identichnosti i istori-cheskaya tipologiya syuzheta* [The Problem of Narrative Identity and Historical Typology of Plot]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], 1-2, p. 154.
16. Bruner J. The narrative construction of reality // *Critical inquiry*. 1991. T. 18. №. 1. P. 1–21.
17. Carnevale F. A. Charles Taylor, hermeneutics and social imaginaries: a framework for ethics research // *Nursing Philosophy*. 2013. Vol. 14 (2). P. 86–95.
18. De Fina A. The chronotope // *Handbook of pragmatics*. – John Benjamins Publishing Company. 2022. P. 49–65.
19. Johnston R. R. Childhood: A narrative chronotope // *Children's literature as communication: The CHILPA Project*. 2008. P. 137–157.
20. Koven M. Affect in cross-chronotope alignments in narrations about Aristides de Sousa Mendes and their subsequent circulations // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2023. T. 33. №. 3. P. 350–372.
21. McAdams D. P., Olson B. D. Personality development: Continuity and change over the life course // *Annual review of psychology*. 2010. T. 61. №. 1. P. 517–542.
22. Milosz C. *Native Realm. A Search for Self-Definition*. London, 2014. 320 p.
23. Perrino S. Chronotope // *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. 2020. P. 1–6.
24. Rindova V. P., Martins L. L. *Futurescapes: Imagination and temporal reorganization in the design of strategic narratives* // *Strategic Organization*. 2022. T. 20. №. 1. P. 200–224.
25. Sacks O. *The Abyss: Music and Amnesia* // *The New Yorker*. 2007. September 24. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (дата обращения: 04.02.2025)